ДЕКОР РУКОПИСИ МАТЕНАДАРАНА № 2600

Доктор искусствоведения Т. А. ИЗМАЙЛОВА (Ленинград)

Рукопись Матенадарана[1] № 2600 не датирована и не локализована. Тем не менее многочисленные приписки красными чернилами на ее листах позволяют установить имя получателя, видимо и заказчика, а в соответствии с этим и довольно точное время исполнения кодекса.

Наибольший интерес для датировки представляет запись на листе 116 а (рис. 1). Она гласит: *Ընտացուղ գրոցս զտէր Գրեգորէս կաթուղիկոս Հայոց յիշեսջիք ի տէր վասն կենդանութեան սորին*— «Получателя сего писания владыку Григориса, католикоса армянского, помяните во Господе ради жизни (долголетия?) его». Таким образом, рукопись, содержащая речи Григория Богослова, получателем которой был один из крупных духовных деятелей киликийской Армении католикос Григорис, была исполнена при его жизни[2]. Судя по стилю художественного убранства кодекса, мы склонны датировать его XII веком, следовательно, получателем ее мог быть или Григор III Пахлавуни (1113—1166), или Григор Тга (1173—1193).

Небольшой по своим размерам (25,5×18,5) кодекс был рассчитан, несомненно, на личное пользование (не случайно, видимо, он содержит речи Григория Богослова, носившего то же имя, что и католикос). Необычен для Киликии—и особенно для рукописей, исполненных около патриаршего престола, как правило, писавшихся на пергамене,—материал: бумага. Уже это заставляет отвести данному кодексу особое место.

Первоначальный текст рукописи начинается с 16-го листа. Высокое качество обработки толстой лощеной бумаги, совершенный уровень прямоугольного унциального письма, выдающий руку хорошо подготовленного писца, указывают на то, что кодекс был исполнен в видном скриптории, выполнявшем аристократические заказы. Об этом же свидетельствует его скромный, но изысканный декор, для которого характерна правильность четкого и тонкого, всегда уравновешенного растительного орнамента, которым украшены П-образные заставки на шести титульных листах. Особенно изящно трактованы на них птицы.

В известной мере отличаются по стилю крупные монументальные инициалы, иногда во весь лист, как бы отодвигающие в сторону хрупкую заставку (лл. 22 б—рис. 2, 83 б, 181 б). Декорированные инициалы такого же типа появляются порой и самостоятельно, без заставки

---

[1] Далее мы обозначаем это собрание буквой М.

[2] См. «*Ցուցակ ձեռագրաց երևանի Մատենադարանին*». հ. Ա, Երևան, 1965, էջ 834: получатель католикос Григорис III (1113—1166). Запись приводим в нашем переводе Записи на других листах в вариантах аналогичные (лл. 26 а, 79 а, 105 б, 158 б, 221 б, 240 б), но без упоминания о долголетии католикоса. На листе 255 б имеется поздняя запись 1677 г., где упоминается монах-священник Вардан, который дал возобновить эту рукопись—«недостающее восполнить» (*զպակաս լնուլ*), и дал в поминовение души своей к вратам церкви св. Ованнеса монастыря Амир-довлы. По указанию А. Матевосяна, этот монастырь находился в Багеше, куда рукопись могла попасть в XVII веке. Очевидны следы реставрации; бумага подклеена, 15 листов рукописи в начале новые. На л. 26 б П-образная заставка (сохранилась лишь небольшая первоначальная ее часть) дополнена при достаточно грубой попытке приблизиться в декоре к оригиналу.

(лл. 105 б—рис. 3, 79 б). Заглавные буквы в начале глав исполнены золотом, в абзацах они черные или красные. Встречаются разнообразные орнаментальные концовки, декоративные полоски обрамляют и заглавия глав. Лицевых миниатюр рукопись не имеет. Варианты П-образных заставок украшает, как правило, растительная лоза со своеобразно трактованным цветочно-лиственным орнаментом.

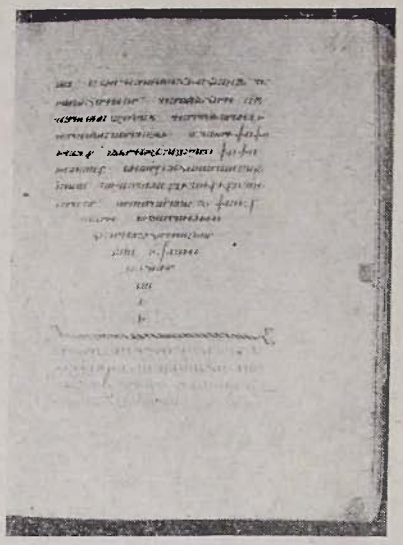

Рис. 1

Приведенное краткое описание декора рукописи не оставляет сомнения в принадлежности ее к так называемому «византинизирующему» направлению армянской миниатюрной живописи. Это служит ярким доказательством того, что в Армении оно было не только достаточно широко распространено, но и устойчиво. Связанные с ним известные нам рукописи датируются XI веком, кодекс же М. 2600 позволяет говорить о том, что и в XII веке в каком-то скрипториі это течение продолжало свое существование. Судя по записям получателя католикоса Григориса, этот скрипторий должен был находиться в Киликии (может быть, в Эдессе или близ нее).

«Византинизирующими» рукописями считаются обычно Трапезундское и Карсское Евангелия, но наряду с этими парадными кодексами к тому же направлению мы отнесли Евангелие М. 10434 1069 года монастыря Нарек (южнее Ванского озера)—наиболее раннее точно датированное и локализованное среди рукописей, принадлежащих к нему[3], а также Евангелие М. 275[4]. Именно в этих рукописях 1069 и 1071/78 гг. мы имеем наибольшее соответствие декору изучаемого нами кодекса М. 2600. Титульные листы их также украшают П-образные заставки, по сторонам которых намечаются вьющиеся растительные лозы. Их орнаментация соответствует византийскому цветочно-лиственному стилю в кодексе, интерпретированному значительно более самостоятельно. Сходство мы видим и в венчании заставок крестом или вазой, что характерно как для «византинизирующих» армянских, так и для греческих рукописей, хотя окружающие крест мотивы кодекса М. 2600 на л. 83 б и трактованы более свободно и вольно.

Несомненное стилистическое сходство в декоре сравниваемых армянских кодексов показывает и интерпретация птиц в Евангелии 1069 года, например на л. 86 а (заставка к Ев. от Марка), особенно же венчание заставки того же Ев. от Марка рукописи 1071/1078 гг.[5] Близкие по изяществу своего исполнения, в рукописи XII века они приобретают некоторую изощренность, даже манерность, особенно в передаче лапок, большую, чем в рукописях XI века. Отметим и особенно развитый в кодексе М. 2600 по сравнению с последними мотив процветшего раститель-

---

[3] Т. Измайлова. Армянская миниатюра XI века. М., 1979, с. 208, табл. 142, 143.

[4] Там же, с. 208, табл. 139, 140, 142, 143 (в книге допущена опечатка—рукопись значится под № 975). См. также: Т. Измайлова. О четвероевангелии 1071/1078 гг.—«Историко-филологический журнал», 1972, № 1, с. 280—282 (рис. 1—3).

[5] Т. Измайлова. О четвероевангелии 1071/1078 гг., с. 281—282 (рис. 2, 3).

ного стебля, связанного с заставкой (лл. 133 а—рис. 4, 116 б). Вьющийся сбоку от нее, он превращается здесь как бы в маргинал. Несколько изменяется и характер цветочно-лиственной орнаментации, принятой в Евангелии как 1069, так и 1071/78 годов. Там в П-образных заставках каждый цветок заключен в круг, что приводит к уравновешенности и статичности декора; в рукописи М. 2600 тот же стиль изменяется в сторону большей динамичности, которую определяет бегущая лоза.

Рис. 2

Рис. 3

Своеобразны в ней и цветы, которые не встречают полных аналогий в греческих рукописях. Цветок, взятый изолированно, становится здесь как бы трехъярусным, что подчеркнуто окраской каждого горизонтального деления (зеленой, красной, синей). Красочное пятно цветка при помощи графических разводов более светлой окраски и мелких штрихов превращено в цветочный мотив. Такая трактовка намечается уже в декоре Евангелия 1069 г.

В целом таящие в себе первоначальный образец, сохраняющие изысканность его стиля, цветы в заставках рукописи М. 2600 становятся все более отвлеченно декоративными и еще более живописными. Таким образом, они формально перечеркивают свой прототип, выступают как новый цветочный вариант. В этом можно видеть дальнейшую эволюцию, происходящую в орнаментации армянских «византинизирующих» рукописей.

Особое внимание обращает на себя оформление П-образной заставки на л. 241 а (рис. 5). Обычное для рукописи украшение бегущей лозой с крупными цветами осложняется заполнением внутренней части заставки, концы которой объединены полочкой[6]—красивой и достаточно необычной композицией, нестандартность которой дает осно-

[6] Заметим, что полочки-бордюры, выделяющие внутреннюю часть П-образной заставки, встречаются в провинциальной греческой рукописи Гр. 210 Гос. публичной Библиотеки (Ленинград), хотя заполнением здесь служит не орнамент, а заглавие Евангелия. См. Т. Измайлова. Греческая рукопись Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина № гр. 210.—«Византийский Временник», т. 30, 1969.

вание приписать ее творчеству самого мастера. Источником основного мотива этой композиции—сложно профилированной пальметки—является в конечном счете лист аканфа, который в совершенной трактовке представлен в хоранах Трапезундского Евангелия[7]. Происходящий от него вариант пальметки, уже более близкий к представленному в кодексе М. 2600, появляется и в декоре киликийских рукописей. В наиболее чистом виде аканфообразная пальметка представлена среди них

Рис. 4

Рис. 5

во Фрирском Евангелии 1253 года[8]. В декоративно-плоскостном решении она и принята в заставке рукописи М. 2600 на л. 241.

Цветы по углам заставок, столь характерные для византийских рукописей, иногда в большей или меньшей мере трансформированные, в интересующей нас группе армянских кодексов начинают схематизироваться, становясь все более условными (например, в Евангелии 1069 г. в миниатюре с крестом)[9]. В рукописи же М. 2600 на л. 241, где украшение заставки отличается особым своеобразием, возникают порой и совершенно произвольные схематично-условные композиции (также на л. 221 б), удаляющиеся от растительных мотивов. Такого рода трансформации, при тонкости совершенного рисунка и несомненном тяготении к византийским образцам, подчеркивают творческую самостоятельность мастера. Отталкиваясь от собственных «византинизирующих» армянских рукописей XI века, мастер развивает заложенные в них основы декора в соответствии со своими задачами, выдвинутыми временем, в котором протекала его деятельность, вне зависимости от современных ему греческих кодексов.

Из всех заставок, украшенных цветами, выпадает более простое оформление заставки на л. 181 б, где бегущая растительная лоза ак-

---

[7] F. M. Janashian. Armenian miniature Painting. Venice, 1966, pl. XII—XVII

[8] S. Der Nersessian. Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art. Washington, 1953, pl. 19, fig. 37, 38; Idem. Armenian miniatures in the Walters Art Gallery. Baltimore, 1973, pl. 17, fig. 27. Здесь же у Тороса Рослина Евангелие 1262 г.—pl. 34, fig. 47.

[9] Т. Измайлова. Армянская миниатюра XI века, табл. 142.

центрирована мелкими цветочками, сходными с украшающими маргинальную лозу на лл. 116 б и 133 а. На л. же 83 б мастер заполняет заставку сплошным чередованием синих и зеленых квадратиков с белыми разводами, в известной мере превращающими их в растительный мотив. Близкий прием украшения встречаем уже в Евангелии 1069 г. (л. 4 б, 5 а—синие и зеленые ромбики, на них белые разводы), что говорит о преемственности декора в этом течении.

Широко принятый цветочный орнамент заставок отличает живописная манера. Ее определяют красочные пятна и легкие нерегламентированные штрихи, придающие цветам известную определенность. Конкретизация синей лозы в заставках достигается подчеркивающей ее белой линией. Условно, но все же можно назвать живописную манеру мастера «импрессионистической», что особенно относится к изображению птиц на лл. 133 а, 221 б и 241 а. Округлой непрерывной линией характеризуя их позы, художник сообщает птицам легкое динамичное движение. Оно подчеркнуто главным образом в слегка намеченных цветными штрихами лапках, дополняющих своими «жестами» общее впечатление живости, наблюдательности и изысканной манерности. Обычная условно-четкая разделка оперения отсутствует, она передана быстрыми параллельными штрихами на крыле, как бы накинутом на птиц. Такая трактовка своим изяществом превосходит исполнение их даже в киликийских рукописях, где ощущается бо́льшая определенность и конкретность, что лишает птиц легкости и воздушности, достигнутой на листах рукописи М. 2600 и намечающейся уже в Евангелии 1069 г.

Золотой фон заставок и инициалов, ясная неяркая тональность красного, синего, зеленого в растительных элементах, оттененных светлыми штрихами, белые контуры, порою точки—вся эта колористическая гамма, которую в какой-то мере определяет и фактура бумаги, не уступает эмалевому совершенству колорита византийских рукописей и, отличаясь от него, выдает все же общую стилевую тенденцию. Своеобразие в оформление титульных листов вносит и монументализм инициалов, особенно на лл. 83 б и 221 б. Сохраняя принцип украшения переплетающимися скобками, принятый для них в византийской миниатюре, мастер в то же время отходит от образца, создавая новый тип, более характерный для армянских кодексов. Монументальный, даже несколько тяжеловесный инициал не нарушает здесь, однако, цельности художественного образа листа, служа как бы опорой и ему и хрупкой П-образной заставке. И все же известное сходство можно отметить в трактовке абриса инициала на л. 221 б с инициалом Ղ (г) на титульном листе к Евангелию от Матфея армянской рукописи XI века (М. 275, л. 105 б). Характер же инициалов в тексте очень сходен в Евангелии 1069 г. (М. 10434, напр. л. 86 а).

Как видим, изучаемый нами кодекс XII века отличает уже бо́льшая самостоятельность, дающая представление о дальнейшем развитии декора этой группы кодексов на территории самой Армении. Заслуживают внимания отличающиеся своеобразием приемы венчания заставок. Так, на л. 133 а ваза помещена в ладьеподобной чаше. На л. 181 б над заставкой появляется восьмиконечная звезда, на л. 116 б на нее слетает Святой Дух в виде голубя (?).

Совершенство украшения титульных листов определяет и колорит. В качестве примера красочных сочетаний и гармонии цвета приведем листы 133 а и 221 б:

л. 133 а. Фон заставки, как и на других листах, золотой, по нему синяя лоза, подчеркнутая белой линией и красным контуром. На ней обычные для этой рукописи по их трактовке и по цвету «трехъярусные»

цветы (зеленый, красный, синий, по ним белые штрихи). На боковой золотой лозе мелкие произвольно брошенные синие и красные цветочки. Полностью в живописной манере решены и птицы—контур отсутствует. Крылья птиц, отчеркнутые белой полосой, и головки темносиние, грудки и лапки голубые. В центре золотая ладья с вазой. Контуры синие, точки белые. В вазе красные, по краям голубые растения, как бы согласующиеся с цветом птиц. Композицию объединяет и написанная золотом первая строка текста.

л. 221 б. Колористическая гамма заставки с более крупными типичными для рукописи цветами та же. На красных и зеленых ярусах цветов желтые штрихи, на синих белые. Наверху, по сторонам золотой вазы с красным контуром, птички, темнозеленые с красными лапками. На крыльях—желтые пробела. По углам заставки у стилизованных цветов контур золотой, заполнение синее с пробелами. Очень своеобразно прописована армянская буква *Ф* (пᵉ), синяя с белыми продольной и поперечными линиями. Контур золотой, скобки и переплеты синие, красные. Пальметки наверху и внизу синие с золотым и белым контуром. Первая строка текста—золотом. Мягкий с неяркими цветными вкраплениями колорит этого листа соответствует с небольшими вариантами живописному оформлению всей рукописи М. 2600.

На листах, где заставки отсутствуют и мастер ограничивается инициалом и орнаментированным бордюром (л. 105 б), живописный эффект достигается не только их красочными сочетаниями, но и разнообразием шрифтов. В целом заглавные листы рукописи М. 2600, всегда различные по декору, хотя и подчиненные общему стилю, оформлены с исключительными изяществом, вкусом и лаконичностью. Очень свободно оперируя обобщенными элементами, мастер легко и произвольно комбинирует их.

При всех отклонениях и своеобразии рукопись М. 2600 не оставляет сомнения в принадлежности ее к указанному нами направлению. Имя же получателя, весьма возможно, и заказчика католикоса Григориса III или IV дает все основания датировать ее XII веком. Очевидно, течение армянской миниатюрной живописи, зародившееся в XI веке, не замерло и в данный период. Это тем более заслуживает внимания, что для последней четверти XII в. можно говорить об окончательном оформлении киликийской школы миниатюры, сложившейся при престоле католикосов Армении—в Ромкла.

Показательно в этом отношении художественное убранство украшенной там знаменитым мастером Григором для Нерсеса Шнорали и перешедшей затем в руки Григориса Тга (Отрока) несохранившейся рукописи 1174 года, находившейся ранее в Тохате (Евдокия)[10]. Исполненная на пергамене Тохатская рукопись имеет уже другое «дыхание». Самостоятельное решение декора, подчиненное новым задачам, полно эллинистических, может быть прямых античных реминисценций. Византинизм отражается в большей мере в изысканности стиля, чем в орнаментальном репертуаре. В нем, хотя и в собственной трактовке, приняты также мотивы, характерные для всего Ближнего Востока, вошедшие и в византийские кодексы, современные Тохатскому. Контакты же с Византией с несомненностью сказались в таком редком для

[10] С именем художника Григора связан Нарек 1173 г. (М. 1568) и другие киликийские рукописи. Памятная запись Тохатского Евангелия была списана Г. Овсепяном: *«Հիշատակարանք ձեռագրաց», մասն Ա. Անթիլիաս, 1951, § 209, էջ 455, 456.* Там же воспроизведен и заглавный лист к Ев. от Марка. Второй заглавный лист к Ев. от Луки обнаружен нами в негативах архива Г. Овсепяна (Госуд. музей Армении), там же негатив заглавного листа Ев. от Луки. Оба воспроизведены: Т. А. Измайлова. Мурганский образец в армянской миниатюрной живописи.—«Труды Гос. Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока», т. V, 1961, с. 95—97, рис 13, 14.

армянских кодексов явлении, как переданные на греческом языке названия Евангелий, стоящие впереди написанных по-армянски.

Различия в характере декора и материале, на которых исполнены Тохатская рукопись и рукопись М. 2600 (пергамен, бумага) дают основание полагать, что они происходят из разных скрипториев, где работали разные мастера, хотя имя художника и даже писца во второй из них и не упомянуто. Но можно ли сомневаться, что заказы католикоса в XII веке исполнялись не в одном письменном центре? Не может быть сомнения и в том, что изучаемая нами рукопись по всем своим данным написана в Киликии или в скриптории, находившемся близ нее. За это говорит совершенное изящество письма и декора, конечно и имя католикоса Григориса. Труднее определить, откуда она происходит. Был ли этот кодекс индивидуальным творчеством высокоодаренного мастера или он вышел из достаточно изолированного письменного центра, где византийская тенденция получила дальнейшее развитие, хотя и в трансформированном виде? Не исключено, что рукопись М. 2600 (речи Григория Богослова) являлась и специальным заказом католикоса Григориса, что кажется нам вполне возможным. Для того чтобы ответить на все эти вопросы, мы не имеем достаточных данных. Можно высказать еще одно предположение: не была ли эта рукопись выполнена в ареале Эдессы, где византийское влияние сказывалось сильнее, чем в Киликии?

Может быть, будут обнаружены и другие рукописи XII в., сходные по материалу и декору, но на данном этапе изучения армянской миниатюрной живописи кодекс М. 2600 остается уникальным, быть может последним для своего времени, в чем и заключается, помимо художественной ценности, его значение.

Декор этой рукописи лишний раз подтверждает многочисленность направлений искусства армянской миниатюры XII века.

ՄԱՏԵՆԱԴԱՐԱՆԻ № 2600 ՁԵՌԱԳՐԻ ՀԱՐԴԱՐԱՆՔԸ

Արվեստագիտության դոկտոր Տ. Ա. ԻԶՄԱՅԼՈՎԱ (Լենինգրադ)

(Ամփոփում)

Մատենադարանի № 2600 ձեռագրի հիշատակարանը չի պահպանվել, սակայն կան բաղմաթիվ հիշատակագրություններ, որոնցում առկա է «Գրեգորէս» կամ «Գրիգորէս» կաթողիկոսի անունը (հավանաբար Գրիգորիս Դ Պահլավունի կամ Գրիգորիս Դ Տղա)։ Հիշատակագրություններից մեկում եղած «զստացաւղ գրոցս զտէր Գրեգորէս Կաթուղիկոս Հայոց յիշեսջիք ի տէր վասն կենդանութեան սորին» արտահայտությունը թույլ է տալիս եղրակացնել, որ ձեռագիրը ստեղծվել է վերոհիշյալ կաթողիկոսներից մեկի օրոք։ Պ-աձև գլխագարդերով անվանաթերթերը շարունակում են բյուզանդական արվեստի ազդեցությունը կրած XI դարի հայկական մանրանկարչության ավանդները և չեն համընկնում Հոռմկլայի ձեռագրերի հարդարանքի հետ։ Մատյանը հավանաբար ստեղծվել է Կիլիկիայում կամ Եդեսիայում։